

БОГ

И ПРОБЛЕМА

ЗЛА

Р. ДУГЛАС ГАЙВЕТТ

R. Douglas Geivett

**GOD
AND THE EVIDENCE
OF EVIL**

Lulworth Press
Brea, California
2008

Р. Дуглас Гайветт

**БОГ
И ПРОБЛЕМА
ЗЛА**

Чернигов
In Lumine Media
2017

УДК 274-141
ББК 86.376-4
Г 14

God and the Evidence of Evil
by R. Douglas Geivett
Copyright © 2008 by R. Douglas Geivett
Published by Lulworth Press, Brea, California
This edition published by arrangement with the author.
All rights reserved.

Цитаты из Писания приведены по Синодальному переводу Библии, если не указано иначе.
Цитаты с пометкой НРП: Святая Библия, Новый Русский Перевод, Biblica, Inc.®, 2006.
Цитаты с пометкой СРП: Современный русский перевод, РБО, 2011.

Гайветт, Р. Дуглас

Г 14 Бог и проблема зла / Р. Дуглас Гайветт; пер. с англ. – Чернигов: In Lumine Media, 2017. – 56 с.
ISBN 978-617-7168-40-8

Проблема зла известна всем: как может всемогущий и всеблагий Бог существовать в мире, полном страданий и зла? Профессор философии американского университета Байола доктор Дуглас Гайветт дает советы о том, как вести беседу с теми, кто возражает против христианства. Он рассматривает два основных философских аргумента от зла против существования Бога и раскрывает их неспособность доказать, что не может быть такого Бога, каким Его описывает Библия. Наоборот, автор заявляет, что проблема зла скорее подтверждает, чем опровергает существование благого и суверенного Творца.

УДК 274-141
ББК 86.376-4

Все права защищены. Никакая часть настоящего издания ни в каких целях не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование, запись на магнитный носитель или иные средства копирования или сохранения информации, размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования, если на это нет письменного разрешения автора.

ISBN 978-617-7168-40-8 (рус.)

© 2008 by R. Douglas Geivett
© Перевод на русский язык, издание
на русском языке, оформление
Р. Дуглас Гайветт, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

1	Реальность страданий и зла	7
2	Картина страданий	11
3	Зло как интеллектуальная и экзистенциальная проблема	13
4	Великий дознаватель	15
5	Определение проблемы зла	21
6	Логический аргумент	25
7	Аргумент очевидности	39
8	Помните Страстную пятницу	49

РЕАЛЬНОСТЬ СТРАДАНИЙ И ЗЛА

Не так уж сложно вспомнить конкретные примеры проявления зла, которые вызывают вопрос: почему в мире присутствует зло? Тайна зла – популярная тема многих шедевров мировой литературы. Художественные произведения, в которых описывается жизнь вымышленных героев, служат источником познания реальности и нюансов человеческого существования.

Внимательно прочтите, как Виктор Гюго описывает страдания человека в романе «Отверженные»:

Человек за бортом!

Ну так что же! Корабль не останавливается. Дует ветер. У этого мрачного корабля свой путь, и он вынужден его продолжать. Он уходит дальше.

Человек исчезает, потом появляется снова, погружается и снова выплывает на поверхность, он взывает о помощи, он простирает руки; никто не слышит его...

Каким страшным призраком кажется ему этот исчезающий парус! Человек смотрит на него, смотрит безумным, исступленным взглядом. Парус уда-

ляется, бледнеет, уменьшается. Только что человек был еще там, на корабле, он был членом экипажа... Что же такое произошло с ним? Он поскользнулся, упал – все кончено.

Он в чудовищной пучине. ...коварный океан с остервенением топит его; беспределность тешится его предсмертной мукой. Кажется, что вся эта масса воды – воплощенная ненависть.

И все же он борется.

Он пытается сопротивляться, держаться на поверхности, он делает усилие, он плывет...

Подобно ангелам, реющим над человеческой скорбью, в облаках реют птицы, но чем могут они помочь ему? Они летают, поют, парят в небе, а он – он хрипит, задыхаясь, в предсмертной муке...

Людей больше нет. Где же Бог?

Он зовет: «Спасите! Спасите!» Он зовет и зовет. Ничего не видно на горизонте. Ничего – в небе.

Он взывает к пространству, к волне, к водоросли, к подводному камню – они глухи. Он молит бурю, но безучастная буря послушна лишь бесконечности...

Что делать? Человек, доведенный до отчаяния... перестает бороться, уступает, сдается и наконец исчезает, навеки поглощенный темными глубинами океана...

Душа, попавшая в эту бездну, может превратиться в труп. Кто воскресит ее?¹

¹ Виктор Гюго. Отверженные. Пер. с фр. Ч. 1, кн. 2, гл. 8.

Разве оставит кого-нибудь равнодушным подобная драма? Как же сумел Гюго так тонко прочувствовать страдания тонущего, передать их с такой точностью, не испытав их лично? Очевидно, что это не автобиография, ведь человек из романа не выжил, чтобы рассказать о пережитом. Как же смог тогда писатель раскрыть внутренний мир своего персонажа со столь удивительной глубиной и пронизательностью? Его роман символически передает всю гамму людских страданий, повествуя, как человек переживает потери, разочарование, крушение надежд, безысходность, безмолвие и отчуждение от Бога.

У Гюго тонущий человек вначале взывает о помощи, отчаянно надеясь, что она откуда-то придет. Он зовет на помощь братьев-моряков, но они не слышат его. Он ищет спасения вокруг. В облаках летают птицы, но они равнодушны и бессильны, их беззаботность как насмешка над его бедой. А что же поглощающая его стихия? Есть ли в ней спасение? Увы, она и есть его гибель. А Бог – где Бог? Может, Он спасет? Время идет. Человек плывет, держится на воде, пытаясь сохранить силы. Но Бог не вмешивается. И когда человека покидает призрачная надежда выжить, он все же надеется, что после смерти не все будет потеряно. Возможно, он еще воскреснет...

Какие потрясающие картины описывает Гюго – картины того, как человек цепляется за все, что может помочь ему выжить, даже если вокруг рушится мир! Я мог бы заимствовать пример страданий и зла с передовицы любой газеты, рассказать о собственных горестях или

бедах дорогих мне людей. Однако как о многом говорит нам обращение к отрывку из художественной литературы, повествующей о страданиях, нам не знакомых, но которые каждый из нас так или иначе способен понять.

КАРТИНА СТРАДАНИЙ

Рассмотрим другое мастерское описание страданий в художественной литературе – описание, по моему глубокому убеждению, реального исторического события. Библейский рассказ об Иове подробно и обстоятельно повествует об испытаниях, которые по Божественному изволению выпали на долю праведного человека. Бог сказал сатане об Иове: «Вот, все, что у него, в руке твоей; только на него не простирай руки твоей» (Иов. 1:12). Сатана так и поступил – он сделал все, что мог, чтобы вселить отчаяние в этого человека и лишить его веры. Всего за один день богатый Иов был повергнут в глубокую нищету; его сыновья и дочери погибли в результате стихийного бедствия. Пуританский автор Томас Уотсон писал: «Иов превратился в картину страданий»¹. Его жена тоже страдала с ним и в отчаянии и озлоблении заявила мужу: «Прокляни Бога и умри!» (Иов. 2:9, НРП).

Я часто размышляю над важностью ее слов. Какие мысли и чувства жена Иова пыталась выразить? Один из возможных вариантов – отчаяние убедило ее, что при таком развитии событий проклясть Бога было единственным логически оправданным поступком,

¹ Thomas Watson, *All Things for Good* (1663; Edinburgh, Scotland and Carlisle, PA: The Banner of Truth Trust, 1986, reprint.), 27.

неизбежной, естественной и уместной реакцией на исчезновение из ее жизни всего, что было значимым. Несомненно, она понимала, насколько ужасными будут последствия, если проклясть Бога: человек, поступая так, ходит по тонкому льду и в любое мгновение может встретить смерть. Но это ли заботило ее? Она потеряла все, что у нее было, а Богу, похоже, все равно. Что из того, что хула на Бога может привести к смерти? Жена Иова потеряла доверие к Богу. Поэтому пошлет ли ей Бог смерть за ее ропот или нет – несущественно. Уважать Бога она больше не могла. Так, ее слова могли значить: «Наша жизнь ужасна, Бог нас предал – уж лучше умереть».

С другой стороны, раздражение жены Иова говорит об оставленной вере: «Если проклянешь Бога и повернешься к Нему спиной, будешь жить, словно Его нет (что отчасти и означает проклясть Бога), то лучше уж смерть. Кто может жить без Бога?»

Оба толкования отображают отношение, которое порой складывается у людей, когда они размышляют о зле и его богословском значении. Такова и наша тема – *религиозное значение зла и страданий в мире.*

ЗЛО КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Меня часто приглашают читать лекции о проблеме зла с одной из двух различных точек зрения. Одни просят уделить внимание интеллектуальному препятствию, которым выступает зло для религиозных убеждений. Но даже тогда, когда я говорю об *интеллектуальной* проблеме зла, я всегда предполагаю, что среди слушателей есть те, для кого интеллектуальные сомнения не главное. Обязательно будет кто-то на грани отчаяния из-за непреодолимых обстоятельств, глубокого разочарования или душевной боли. Разбирать интеллектуальные аспекты и предлагать решения некой *философской* проблемы зла не будет полезным тем, кто реально страдает. И все же не без трепета я рискну предположить, что даже в абстрактной теоретической сфере философской дискуссии изможденный страдалец может найти нечто существенное, способное коснуться его сердца даже во время страданий.

В других случаях меня приглашают высказаться о роли проблем и бедствий в духовном становлении. И всегда я знаю, что среди слушателей присутствуют те,

кому не дает покоя интеллектуальная сторона проблемы зла. Им, чтобы продолжать верить в Бога, больше всего нужно найти решение проблем логики и очевидности зла. Если я стану говорить только о том, какую конструктивную роль играет зло в нашем духовном развитии и росте уверенности в Боге, я оставлю без ответа интеллектуальные нужды слушателей.

Следовательно, у проблемы зла есть две важные грани: интеллектуально-апологетическая и экзистенциально-пасторская. На первый взгляд может показаться, что у этих граней нет ничего общего. В действительности же, по моему глубокому убеждению, они дополняют друг друга, потому что наше духовное и интеллектуальное развитие тесно связано между собой.

Существование зла выдвигает три аргумента, которыми подрывает наше убеждение, что Бог есть или что Он достоин любви. Первые два аргумента по своей природе главным образом *интеллектуальные*. Третий же скорее *духовный и экзистенциальный*. Хотя первые два аргумента философские, они не настолько узкоспециализированные, чтобы не коснуться тех, кто философией не увлекается. Третий аргумент более личный, пасторский. Но даже те, кто озабочен строго интеллектуальной стороной вопроса, нуждаются в пасторском совете. В этой книге мы остановимся только на интеллектуальном, философском вызове, которое бросает нам зло.

ВЕЛИКИЙ ДОЗНАВАТЕЛЬ

Прежде чем приступить к подробному исследованию философских аргументов, позвольте предложить метод, особенно полезный для всех, кто выступает на стороне христианского мировоззрения. В частности, он полезен, когда существованием зла пытаются доказать несостоятельность христианства. Лучше всего этот метод действует в тех случаях, когда жестко и категорично возражают против веры христиан. Это метод встречного вопроса – стратегия, которую с высочайшим мастерством продемонстрировал Иисус Христос.

В Евангелии от Марка 2:1–3:6 описаны пять споров между Иисусом и интеллигенцией Его дней – книжниками, фарисеями и саддукеями. Эта честная компания в разных ситуациях предъявляла Иисусу серьезные обвинения, подвергая сомнению достоверность Его утверждений. Обычно в таких случаях Иисус отвечал вопросом на вопрос. Поймите, однако, что это не было хитрым маневром. Иисус делал так с определенной целью, добиваясь поразительного риторического эффекта. Во время пятого эпизода (Мк. 3:1–6), в момент самого напряженного противостояния Иисуса и религиозных лидеров Израиля, Его главным оппонентом была группа фарисеев и саддукеев. Ведущие ученые своего времени

и главные интеллектуальные представители древнееврейской традиции, фарисеи и саддукеи были своего рода «глашатаями Писания». Они давно уже были не в ладах с Иисусом, и напряжение в их отношениях только росло. К этому времени они на собственном болезненном и позорном опыте узнали, что допрос Иисуса напрямую к желаемым результатам не приводит. Ему всегда удавалось сорвать планы оппонентов, задавая еще более острые вопросы, которые обнажали их черствые сердца и злые намерения. Его подход раскрывал несостоятельность предположений, стоявших за их вопросами.

И вот, представьте, религиозным вождям выпала возможность пойти другим путем. В субботний день они заметили в синагоге человека с иссохшей рукой. Они знали, что скоро там появится Иисус и, опираясь на прошлый опыт, были уверены, что Он увидит калеку, сжалится над ним и исцелит. А это даст им превосходный шанс, причем с незначительным риском для самих себя: они обвинят Иисуса в том, что Он трудится в субботу, то есть нарушает Божий закон, а следовательно, как это им представлялось, грешит. И впредь Иисус не сможет претендовать на звание Божьего посланника.

Все случилось так, как они и предполагали. Иисус вошел в синагогу, сразу же заметил увечного и подозвал к Себе. Заговорщики собрались в углу и тайком наблюдали, как воплощается их план, и, вероятно, поздравляли себя с такой находчивостью. Какая удача! Вдруг что-то пошло не так. Ни с того ни с сего Иисус обратился прямо к ним!

Представим себе этот обмен репликами.

Иисус. Господа, у Меня к вам вопрос.

Саддукей 1. К нам? Ты к нам обращаешься? *(Поворачивается к Саддукею 2.)* Эй, похоже, Он на тебя смотрит.

Саддукей 2. Ой...

Иисус. Господа, у Меня к вам вопрос.

Фарисей *(нетвердым голосом, с трудом сглотив и тщетно кивая головой)*. Д-да, какой вопрос?..

Иисус. Вы, вероятно, заметили человека с иссохшей рукой. Сердце болит, когда смотрю на него. У вас, должно быть, тоже. Хочется как-то помочь ему. Я могу исцелить его. Но сегодня суббота. Как же Мне поступить? Вы в этом эксперты. Что позволительно в субботу: погубить жизнь или добро сделать? Посоветуйте же.

Иисус задал неудобный вопрос. Вначале он кажется даже странным и несколько не к месту. Однако, пристально глядя на них, Иисус ждал ответа. И Библия говорит, что саддукеи молчали. Это подтверждает, что они многое почерпнули из предыдущих встреч с Иисусом. Они молчали и, наверное, нашли повод не отвечать на вопрос прямо.

Как же они вышли из неловкого положения?

Старший фарисей *(понимает, что молчать глупо, сипит наконец)*. У меня ларингит. Пусть кто-то другой ответит.

Находчивый фарисей. Постойте-постойте. Разве Иессей не писал докторскую на эту тему?

Конечно, все было не так. Интеллигенция не проронила ни слова. Марк повествует, что Иисус смотрел на них с гневом. Опять их собственные интриги сыграли с ними злую шутку. Опять их тактика обернулась против них. Затем – примечательно! – Иисус, кажется, невольно попал прямо в их сети. Он повернулся к увечному и сказал: «Протяни руку». Когда тот повиновался, его рука стала здоровой. Религиозные вожди сразу же удалились. Собравшись в укромном месте (представьте себе этот приглушенный закулисный стговор где-то за густой пеленой сигаретного дыма), фарисеи наконец сделали свой выбор: погубить Иисуса. Обратили они внимание или нет, а читатель Евангелия от Марка не упустит невероятную пронизательность Иисуса – Он знал их сердца и их истинные намерения, потому и спросил: «Что позволительно: *погубить* или добро сделать?»

Даже беглый взгляд на Иисуса в действии показывает, что Он часто отвечал вопросом на вопрос или бросал вызов, Сам задавая вопрос. Когда Он раскрывал тайные замыслы Своих обвинителей, испуганные, они молча отступали, чтобы лучше подготовиться и ждать новой возможности обвинить Иисуса.

Какой урок извлечь из этого? Когда с оптимизмом и радостью мы рассказываем другим о христианском мировоззрении, рано или поздно мы столкнемся с возражениями. Вначале такие возражения обычно посту-

пают в форме вопросов. И чаще всего спрашивают: «Почему в мире есть зло? Как может справедливый Бог допустить боль и страдания?»

Заметьте, что подобные вопросы – это сокращенная форма более обширных возражений, однако сами по себе это не возражения. Это вопросы. Отвечая на такой вызов, первым делом следует *ответить вопросом на вопрос*. Лучше всего попросить четче обозначить проблему, конкретизировать свой аргумент. Такое начало не кажется многообещающим: может создаться впечатление, что вы не понимаете возможных богословских последствий реальности зла. Но если мы хотим предложить решение такой трудной проблемы, у нас должно быть ясное представление о том, как видит эту проблему сам возражающий. Размытое, бесформенное указание на нечто, что ставит под сомнение факт существования Бога, не соответствует масштабам вопроса и не способствует адекватному ответу. Поэтому мудро не принимать от возражающего необоснованный аргумент от зла. Он должен изложить свои возражения по крайней мере с той же точностью и четкостью, с которой ожидает услышать ответ от вас.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗЛА

Чтобы понять собеседника, хорошо задать не один, а несколько вопросов: «Вы считаете, что Бог существует, но такой Бог не достоин ни доверия, ни любви? Или саму веру в Бога вы считаете нерациональной? Если да, почему? Как именно реальность страданий предполагает несуществование Бога или абсурдность веры в Него?»

Просьба к возражающему высказать его аргументы будет для обеих сторон хорошим началом дискуссии. А верующий должен предвидеть возможные ответы. Кто-то скажет: «Если честно, у меня нет ясного довода». Другой лишь неуверенно очертит свой аргумент: «Не могу сформулировать точно, но думаю примерно так». Иной ответ поступит от хорошо подготовленного человека, который сразу же представит исходное суждение и выводы, подаст их ясно, в искусно выстроенной логической цепочке.

Предположим, что ваш оппонент безуспешно пытается сформулировать мысль. Тогда можно тактично заметить: то, что считается очевидным (а именно что существование зла предполагает иррациональность веры в Бога), вовсе не так уж очевидно. Затем можно

предложить собеседнику варианты возражения: «Вы это имеете в виду? Может, вас вот что беспокоит?» Другими словами, лучшим шагом будет помочь оппоненту более точно сформулировать его аргумент.

О чем говорит ваша готовность помочь собеседнику в дискуссии? Она показывает вашу честность и прямоту, подготовленность и благожелательность и к тому же способствует доверию. Это всегда открывает двери. Обращаясь к собственному жизненному опыту, мы разрушаем барьеры: «Знаете, я много размышлял над этим вопросом. И, должен признаться, меня он тоже беспокоил. Поэтому я хорошо понимаю ваше возражение».

Действенность такого подхода подтверждает название старой книги по популярной апологетике, которую я прочел еще в колледже: «Я рад, что вы спросили»¹. Мне всегда нравилось это название, ведь оно так не соответствует нашим естественным склонностям. Как часто мы втайне надеемся, что знакомые *не станут* задавать нам подобные вопросы, потому что мы сами еще размышляем над ними и ищем ответы. Но если мы достаточно подготовлены, то будем «рады, что они спросили», особенно если их вопросы в итоге приведут к тому, что мы сможем рассказать им Евангелие. Полезная особенность проблемы зла состоит в том, что она сама требует представить Божье решение бедственного положения человека. Она дает возможность говорить

¹ Ken Boa and Larry Moody, *I'm Glad You Asked* (Wheaton, Ill: Victor Books, 1987, reprint).

о надежде вечной жизни в Иисусе и Божественном решении проблемы боли и страданий.

Здесь проявляются наши собственные сомнения: зачем благовествовать, зачем ломать над этим голову? Никто ведь не станет слушать. Всем все равно. Никто ничего не хочет об этом знать. А на самом деле именно такие вопросы – почему в этом мире присутствует зло? как Бог может быть реален? если Бог существует, что Он делает с болью и страданиями? – позволяют рассказать об истинах, которые, как мы безосновательно решили, нашим слушателям совсем не интересны. Поэтому любите эти вопросы за сокрытые в них возможности.

Предположим, возражающий сумел убедительно сформулировать аргумент от зла. Что тогда? Вы должны знать, что считается допустимой формой аргументации. С этой целью полезно обратиться к литературе по философии религии. Там мы обнаружим формулировки данного аргумента, которые используют те, кто наиболее настойчиво и глубоко размышлял над проблемой зла.

Большинство философов, занимающихся вопросами религии, – атеистов, агностиков и теистов – разделяют все версии аргумента от зла, то есть аргумента против существования Бога на основании существования зла, на две категории: *логический* аргумент и аргумент *очевидности*. Связь между этими двумя терминами нуждается в некотором прояснении, потому что аргумент очевидности вовсе не *алогичен* (как если бы «логика» и «очевидность» были противоположными

терминами). Разница в том, каким образом аргумент построен. У каждого из методов есть свои сторонники, считающие соответствующий метод допустимым, состоятельным и убедительным.

ЛОГИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ

Что логического в логическом аргументе от зла? Термин «логический» в данном случае указывает на дедуктивную структуру формы аргумента. Аргумент считается формально обоснованным по следующему принципу: если исходные посылки верны, то, согласно логике, и вывод должен быть верным. По правилам логики такой аргумент считается наиболее убедительным из всех возможных. Силлогизмы – часто встречающаяся форма дедуктивных аргументов. Один из типов силлогизма называется *modus ponens*¹ и имеет следующую форму:

Посылка 1: Если А, то В.

Посылка 2: А.

Вывод: Следовательно, В.

Заменим А и В чем-то конкретным:

Посылка 1: Если Сократ – человек, то Сократ смертен.

Посылка 2: Сократ – человек.

Вывод: Следовательно, Сократ смертен.

¹ Лат. «правило вывода». – Прим. ред.

А вот силлогизм несколько другой формы, называемый *modus tollens*²:

Посылка 1: Если А, то Б.

Посылка 2: Не Б.

Вывод: Следовательно, не А.

Снова конкретизируем и получим следующий аргумент:

Посылка 1: Если Сократ – человек, то Сократ смертен.

Посылка 2: Сократ не смертен.

Вывод: Следовательно, Сократ не человек.

Подобные дедуктивные аргументы производят сильное впечатление. Если исходные посылки верны, тогда и выводы обязательно верны (т. е. они *не могут* быть ложными). Формальная сила подобных аргументов делает их достаточно обескураживающими с логической точки зрения. Если человек принимает посылки аргумента и выводы обоснованно проистекают из посылок, то игра проиграна. Выводы тоже придется принять.

Суть логического аргумента от зла в стремлении продемонстрировать, что Бога нет. Однако – и мы увидим это! – само это стремление оказывается его ахиллесовой пятой.

Как же выглядит логический аргумент, проистекающий из существования зла? Позвольте рассказать о случае, который произошел со мной в колледже. Вме-

² Лат. «правило исключения». – Прим. ред.

сте с сотней других студентов меня записали на курс элементарной физики, который мы любя называли физикой для болванов (для хорошей оценки большого ума не требовалось). Преподаватель курса мне показался приветливым и общительным человеком, весьма популярным среди студентов, хотя в частном порядке я с ним никогда не общался. После урока он обычно становился у двери и прощался с выходящими студентами, чем напоминал баптистского служителя после воскресной проповеди.

Однажды, выходя из класса, я нечаянно услышал, что преподаватель разговаривал с другим студентом о религии. Мне стало любопытно. Улавливая долетавшие обрывки разговора, я понял, что преподаватель физики искренне и с воодушевлением интересовался религиозными вопросами. Я подумал: «Нужно обязательно с ним поговорить». Когда разговор закончился, я представился и сказал: «Я невольно подслушал вашу беседу о религии. Могу ли я узнать, что вас интересует?»

Он ответил: «Я искренне ищу религиозную истину. Я в поисках религиозной реальности уже давно, изучаю основные мировые религии. Это превратилось для меня в один из главных личных проектов, и я совершенно серьезно отношусь к вопросу религиозной истины. Но пока я агностик. Я не пришел ни к каким выводам, поэтому продолжаю поиски». А затем он поправил себя: «Кое-каких успехов я все же достиг, немного сузил круг поисков, исключив один из вариантов. Одна из религий мне просто не представляется разумной. Она совсем не убедительная».

Когда он заявил, что именно христианство не прошло тест на рациональную обоснованность, я подумал, что, возможно, лучше будет прекратить беседу. Но слова как будто сами слетели с губ. «Я христианин и считаю, что у меня есть достаточно веские основания для таких убеждений, – сказал я. – Расскажите мне, как вы пришли к выводу, что христианство не может быть истинным?»

Его ответ был предсказуемым и кратким. «Все сводится к проблеме зла. Во-первых, христиане верят, что Бог всемогущ или всесилен. Во-вторых, они верят, что Бог морально совершенен. Если свести эти понятия воедино, получится, что, если Бог всесилен, Он мог бы предотвратить зло, если бы хотел, и, если Он морально совершенен, Он желал бы предотвратить зло, если бы мог. Поскольку христианский Бог имеет и желание предотвратить зло, и силу исполнить это желание, зла вообще не должно быть. Но зло в мире есть. А значит, христианского Бога нет. Это предельно просто. Вот почему я не христианин».

Его изложение проблемы было одним из вариантов логического аргумента от зла. В представленном виде это был метод *modus tollens*, доказательство от противного:

Посылка 1: Если Бог (одновременно всемогущий и совершенно благой) есть, то зла быть не должно.

Посылка 2: Но зло есть (т. е. нельзя утверждать, что зла нет).

Вывод: Бога нет.

В сущности, мой преподаватель физики аргументировал свое мнение так же, как и знаменитый оксфордский философ Джон Лесли Мэки³. Он доказывал, что в ряде из трех суждений, принимаемых большинством христиан, присутствует *логическое противоречие*: (1) Бог всемогущ, (2) Бог совершенно благ, (3) зло существует. Выводы получаются самые серьезные. Если эти три суждения логически противоречивы, тогда стремящийся к истине верующий должен отказаться по крайней мере от одного из них, чтобы устранить противоречие. Однако христианин не может отказаться ни от одного из этих суждений, иначе перестанет быть подлинно христианином. Если отвергнуть, например, существование зла, это превратит в ничто доктрину искупления Иисусом Христом, Его смертью и воскресением. Без одновременной Божьей любви и силы смерть Христа превратилась бы в бессмысленный символ. Более того, что бы искупил распятый, если бы не было зла, столь реального и глубоко проникшего в человеческий опыт? Остальные суждения – о Божьем всемогуществе и нравственном совершенстве – составляют важнейшую часть христианского понимания Божьей природы. Их также не отбросишь. Таким образом, те, кто выдвигает логический аргумент на основании реальности зла, пытаются загнать верующего в логический тупик.

³ См. J. L. Mackie, "Evil and Omnipotence," *Mind* 64 (1955), *The Miracle of Theism* (Oxford: Clarendon Press, 1982), chapter 9.

Вам, вероятно, интересно, что я ответил преподавателю физики. Для меня это было решающим моментом, и порой я думаю, что начало моей философской карьеры было заложено именно во время той беседы. С искренним уважением к превосходству моего преподавателя, я признал, что, скорее всего, мой ответ на его возражения не сможет его удовлетворить. Конечно, он согласился. И все-таки сказал, что ему интересно узнать, что же я думал. Мы разговаривали два часа. Моя уверенность все росла и совсем окрепла, когда в конце преподаватель заметил: «Честно говоря, многое в этом вопросе я не продумал до конца. Ты озвучил несколько очень интересных мыслей и дал мне много пищи для ума. Ты не хотел бы встретиться со мной и моими коллегами по университету? Думаю, им тоже будет интересно выслушать твои соображения». Не веря своим ушам, я пробормотал: «Хорошо, конечно».

«Хорошо, конечно». Никогда в жизни я так не волновался, как во время подготовки к намеченной встрече. Мой преподаватель представил меня и объявил, что в целях дискуссии прежде всего мы должны прийти к единому знаменателю о том, *что такое зло*. С того момента весь разговор сосредоточился на разногласиях о природе зла. Мне так и не довелось сказать все, что я подготовил! Я слушал, как эти высокообразованные неверующие сначала предлагали, а затем опровергали спорные концепции зла в поисках той, что подошла бы к любому правдоподобному аргументу от зла против теизма, и понимал: перед ними и без меня довольно сложная задача.

Я же решил продолжать борьбу с этим извечным возражением и найти наиболее убедительный ответ. У меня было много лет, чтобы подумать над тем, что бы я сказал тем университетским профессорам, если бы снова с ними встретился⁴.

Как отвечать на логический аргумент, который обвиняет христианскую веру в логической противоречивости на основании реальности зла? Чтобы разобраться с обвинением в том, что некий ряд суждений не представляется последовательным, следует предпринять несколько шагов. На первый взгляд, три заданные утверждения – Бог всемогущ, Бог нравственно совершенен, зло существует – кажутся несовместимыми. Поэтому главный вопрос: возможно ли опровергнуть видимую противоречивость?

Первый шаг на этом пути состоит в том, чтобы попросить возражающего *показать*, в чем противоречивость этих суждений. Наиболее внимательные философы религии признают, что данные три суждения не имеют явных противоречий и для состоятельного аргумента логический ряд необходимо дополнить другими посылками. Чтобы исключить предполагаемое противоречие, дополнительные утверждения должны быть приемлемы для христианского теиста и разъяснять, что для Бога значит быть всемогущим и быть нравственно совершенным.

⁴ Плодом этого опыта стала моя первая книга: *Evil and the Evidence for God* (Philadelphia, PA: Temple University Press, 1993).

Оказывается, найти такие дополнения – дело отнюдь не простое. Более того, большинство современных философов считает, что еще никто в этом не преуспел. Вскоре мы увидим почему. Сейчас же важно отметить: чтобы задеть за живое теистические верования, острие логического аргумента должно быть заточено при помощи дополняющих суждений. Иначе аргумент теряет силу.

Когда выдвигают обвинения, что суждения логически противоречивы, нужно сделать второй шаг – подтвердить достоверность каждого суждения. Если найдется достаточно оснований, чтобы принять каждое из суждений, тогда мы имеем доказательство *prima facie*⁵, чтобы признать их совместимость. Если есть веские основания считать правдивыми наши три суждения – Бог всемогущ, Бог нравственно совершенен, зло существует, – то основания, на которых мы верим каждому суждению *по отдельности*, служат достаточным основанием принять их *в совокупности друг с другом*. А основания верить, что они сочетаются друг с другом, также служат основанием предположить, что видимость противоречия – не больше чем *видимость*.

Так впечатление противоречивости значительно уменьшается. А если оппонент оказывается в затруднении, пытаясь подкрепить свои обвинения, этот ход окажется еще эффективнее. Затруднение создаст вакуум, который можно заполнить доказательствами

⁵ Лат. «на первый взгляд», очевидное доказательство, достаточное при отсутствии опровержения. – Прим. ред.

и достоверными основаниями, чтобы признать верным каждое из трех суждений в отдельности. Подобная стратегия также укрепляет решимость христианина сохранить верность ортодоксальным убеждениям и не идти на компромисс, чтобы смягчить собственную позицию относительно природы Бога. Вооруженный доказательствами существования Бога, верующий получит мощные средства для отражения атак оппонента⁶.

Третий шаг – решающий для опровержения видимого противоречия. Необходимо показать, что между исходными тремя суждениями в действительности нет противоречий⁷. Ранее я заявил, что ахиллесова пята логического аргумента от зла заключается в стремлении доказать несуществование Бога. А чтобы это сделать, необходимо уточнить, что подразумевается под Божественным всемогуществом и Божественным нравственным совершенством, и показать, что сочетание этих качеств исключает существование зла.

Рассмотрим эти качества по порядку. По мнению оппонента, Божественное всемогущество означает, что *Бог мог бы предотвратить зло, если бы хотел*. Но приемлемо ли такое описание Божественного всемогущества?

⁶ Более полное рассуждение по этому вопросу: Geivett, *Evil and the Evidence for God*; R. Douglas Geivett, "How Do We Reconcile the Existence of God and Suffering?" in *God Under Fire*, ed. Douglas S. Hoffman and Eric L. Johnson (Grand Rapids, MI: Zondervan, 2002).

⁷ Дальнейшие мои рассуждения здесь отчасти повторяют изложение этого вопроса у Алвина Плантинги: Alvin Plantinga, *The Nature of Necessity* (Oxford: Clarendon Press, 1974), ch. 9; см. также Alvin Plantinga, *God, Freedom, and Evil* (New York, NY: Harper and Row, 1974).

Возможно ли, что некоторые миры Бог не может создать при определенных условиях? Предположим, Бог желает создать мир со свободными существами, наделенными способностью совершать нравственно значимые поступки. Тогда, по крайней мере, логически возможно, что даже всемогущий Бог не может создать такой мир, не допуская при этом существования в нем зла. Ведь, создавая мир существ, свободных творить и добро, и зло, Бог предоставляет им право – выбирать зло или нет. Конечно, поскольку Бог всеведущ, Он заранее знает, будет ли мир существ, способных выбирать между добром и злом, миром, где действительно присутствует зло. Если Бог не желает мира, в котором присутствует зло, Он мог бы не создавать мир существ со свободой воли. Но наличие такого мира может быть достаточно великим благом, чтобы оправдать его создание, даже если в этом мире, как известно Творцу, по воле свободных существ возникнет зло. Вывод в том, что, если Божья цель – создать мир свободных существ, из Его всемогущества не следует, что Он может лишить их возможности творить зло, не отнимая при этом данной им свободы. Расширив таким образом круг дискуссии посредством исследования логических возможностей, мы бросаем вызов утверждению, что всемогущий Бог мог бы предотвратить зло, если бы хотел.

Теперь рассмотрим Божье нравственное совершенство. В понимании возражающего это обычно значит, что *Бог захотел бы предотвратить зло, если бы мог*. В ответ теист может предложить следующее пояснение доктрины всеблагости: логически возможно, что у нрав-

ственно совершенного Бога есть *нравственно достаточное основание допустить все зло, существующее в мире*. Возражающий не знает, что *не возможно*, чтобы у Бога было нравственно достаточное основание допустить каждый случай страдания. Нравственное совершенство Бога в действительности подразумевает не то, что Бог должен абсолютно искоренить зло, а что должно быть некое нравственное оправдание тому, что Бог его допускает.

Обратите внимание, от теиста не требуется *знать* конкретные «нравственно достаточные основания», оправдывающие то, что Бог допускает зло. Чтобы опровергнуть логический аргумент от зла, довольно, чтобы такое нравственно достаточное основание было *логической возможностью*. Все, что нам нужно, – это внести предложение, что для всемогущего, вселюбящего Бога может быть действительно нравственно оправданно допускать зло в том количестве, которое мы видим во вселенной. Логический аргумент подразумевает, что Божественное нравственное совершенство логически несовместимо с Божественным всеведением и реальностью зла на том основании, что нравственное совершенство влечет за собой желание предотвратить зло. Однако нравственное совершенство предполагает предотвращение лишь того зла, которое нравственно не оправдано неким другим желанием.

Ту же истину возможно озвучить и по-другому. Предположим, Бог нравственно совершенен. Далее предположим, из этого следует, что Бог (Который также всемогущ) не допустит какое-либо зло без достаточных

на то нравственных причин. Из этого следует, что, если некое зло случилось, Бог нравственно прав, допуская его. Опять же это верно, даже если мы не представляем, какое благо может оправдать каждое такое решение. (Конечно, на том же основании мы заключаем, что Бог позаботится о том, чтобы куда худшее зло – зло, которому нет оправдания, – не случилось никогда и ни при каких обстоятельствах.)

Вспомните, что логический аргумент от зла действует по принципу *все или ничего*: либо он целиком и полностью верен, либо совершенно несостоятелен. Теперь, когда мы принимаем во внимание более правдоподобное представление о Божественном всемогуществе и нравственном совершенстве, а также логические возможности, следующие из такого представления, становится очевидным, что логический аргумент не выявляет противоречия между исходными тремя суждениями. Отсюда следует, что данный аргумент несостоятелен. Последние три десятилетия сторонники логического аргумента были вымирающим видом. Известный религиозный философ, атеист Уильям Роу пишет: «Некоторые философы настаивают, что существование зла *логически противоречит* существованию теистического Бога. Однако полагаю, доказать столь экстравагантное утверждение еще никому не удалось»⁸.

⁸ William L. Rowe, "The Problem of Evil and Some Varieties of Atheism," reprinted in *Contemporary Perspectives on Religious Epistemology*, ed. R. Douglas Geivett and Brendan Sweetman (New York, NY: Oxford University Press, 1992), 41 n.1.

Оппоненту, который продолжает считать, что зло каким-то образом опровергает рациональность христианской веры, следует отбросить логический аргумент в пользу более перспективной наступательной стратегии.

АРГУМЕНТ ОЧЕВИДНОСТИ

Приведенное выше опровержение логического аргумента от зла все же не решает вопрос рациональной веры в Бога. Скептики и дальше сетуют: «Если у Бога и есть нравственно достаточные основания допускать все существующее зло, нам они не известны. Более того, кажется, что некоторым проявлениям зла нравственно оправдания просто не может быть».

Это подводит нас к аргументу очевидности проблемы зла. Его исходное положение гласит, что *некоторые проявления зла настолько ужасны, что им (вероятно) нет нравственного оправдания*¹.

Задумайтесь о многоликости зла и страданий. Одни проявления зла можно считать воздаянием за негодные действия; некоторых подвергают страданиям, потому что они заслуживают наказания за неправильные

¹ Фундаментальное изложение аргумента очевидности см. в William L. Rowe, "The Problem of Evil and Some Varieties of Atheism," in Geivett and Sweetman, *Contemporary Perspectives on Religious Epistemology*. Подборка углубленных размышлений известных философов религии об аргументе очевидности приведена в *The Evidential Argument from Evil*, ed. Daniel Howard-Snyder (Bloomington, IN: Indiana University Press, 1996). Великолепный и доступный разбор аргумента: *Evil Beyond Belief* by James Petrik (Armonk, NY, and London, England: M. E. Sharpe, 2000).

поступки. Другие страдания производят благо, которого невозможно достичь никакими другими путями, укрепляют веру в Бога, мужество, сострадание к другим и так далее. В подобных случаях видно, что допущенное зло можно оправдать.

Однако, как бы ни объясняли зло в нашем мире, некоторые его проявления воистину ужасны, так что никто их не в силах объяснить. Если у Бога и есть нравственно достаточные основания допустить величайшие зверства в истории человечества, они по-прежнему глубоко скрыты в Божьем сознании. Нельзя представить, какое благо может оправдать такие страшные злодеяния, как те, что упоминает Мэрилин Адамс:

«...истязания отдельных людей и целых народов... изнасилование женщины и отсечение ее рук, психофизические пытки, где конечная цель – расщепление личности, предательство глубочайшей преданности, надругательство над детьми, как то, о котором говорил Иван Карамазов, детская порнография, родительский инцест, голодомор, применение ядерного оружия в густонаселенной местности»².

Немыслимо, что какое-либо благо может оправдать подобное зло; противно даже предполагать, что допущение такого страшного зла можно нравственно оправдывать.

² Marilyn McCord Adams, *Horrendous Evils and the Goodness of God* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999), 26.

Таким образом, даже если логически возможно, что каждый случай зла допущен по нравственно достаточным причинам, наша неспособность найти смысл в некоторых проявлениях зла доказывает, что таких нравственно достаточных причин просто не существует. Даже если мы ошибаемся, думая, что нет нравственно достаточных оснований оправдать ужасающее зло, допущенное Богом, все же рационально мы обязаны верить, что таких оснований нет, *принимая во внимание очевидные факты*. У нас есть очевидное доказательство, что нравственно достаточной причины не существует. Насколько мы можем судить, маловероятно, что у Бога есть нравственное оправдание допускать худшие проявления зла, следовательно, так же маловероятно, что есть всемогущее и всеведущее существо.

Как мы ответим на аргумент очевидности?

Во-первых, можно объяснить, что существуют разные классы зла. Большинство не станет возражать, что некоторые принципы достаточно адекватно объясняют определенные проявления зла в этом мире. То есть существуют положительные явления, которых не было бы без определенного зла, даже если невозможно представить положительную сторону другого зла. В чем польза подобного наблюдения, если аргумент очевидности обращается исключительно к необъяснимым примерам зла в человеческом опыте? Если в ответ на критику мы со временем соберем солидную базу убедительных объяснений тех или иных проявлений зла, то оставшиеся ужасные его случаи можно будет считать аномалией, у которой есть свое объяснение, даже если мы не знаем,

в чем оно состоит. Хотя это и не самый сильный ответ на аргумент очевидности, это полезное начало.

Во-вторых, не стоит удивляться, что многие Божьи цели остаются сокрытыми от нас. В Библии Бог Сам заявляет: «Мои мысли – не ваши мысли» (Ис. 55:8). Божьи пути и Его природа выходят за рамки нашего понимания. Верх безрассудства – ожидать, что мы можем в совершенстве постичь Божьи цели, Его характер и отношения с миром, пользуясь теми сравнительно небольшими способностями к размышлению, которыми мы как смертные существа обладаем. Если после наших самых глубокомысленных рассуждений и останется некая тайна, скрывающая Божьи причины допустить некоторое проявление зла во вселенной, то разве ограниченность человеческого понимания действительно дает право считать, что у Бога не может быть никаких нравственно достаточных оснований так поступать? Ответ самоочевиден.

В-третьих, следует различать *необоснованное зло* и *непостижимое зло*. Непостижимое – это такое зло, чье нравственное оправдание выше нашего (нынешнего) понимания. Необоснованное зло – это зло, для которого отсутствуют какие бы то ни было нравственно оправдывающие причины³. Одно из главных положений аргумента очевидности в том, что в мире существует (или, возможно, существует) необоснованное зло. Но где тому доказательство? Единственным доказательством в поль-

³ Некоторые философы, рассуждая об аргументе очевидности, говорят скорее о бессмысленном зле, нежели о необоснованном.

зу необоснованного зла служит очевидно непостижимое зло. Однако существование непостижимого зла не обязательно влечет за собой наличие необоснованного зла. Но, может быть, непостижимое зло служит хорошим доказательством существования необоснованного зла? Давайте рассмотрим это предположение.

Мы уже отметили, что человеческая способность судить о Божьих целях и действиях не бесконечна. Мы ограничены в способности различить *подлинно* необоснованное зло от зла, которое *кажется* необоснованным. Большинство скептиков не станут утверждать, что существование подлинно необоснованного зла можно доказать. Следовательно, аргумент очевидности *строится на видимости, что существует необоснованное зло*. Но разве это не служит, по крайней мере, для когнитивно ограниченных человеческих существ, руководством к рациональной вере? Разве, рационально обосновывая свои убеждения, мы не подпадаем на то, как что-либо выглядит или чем кажется? Если же мы не способны, даже прилагая все усилия, представить убедительное объяснение того, что Бог допускает ужасающее зло, то что остается, как не прийти к выводу, что адекватного объяснения просто нет?

Конечно, видимые признаки порой служат достаточным основанием для того, во что мы верим. Обычно так обстоит дело с чувственным восприятием. К примеру, то, как выглядят те или иные предметы, попадая в наше поле зрения, служит достаточно убедительным признаком того, как они выглядят в действительности. Если визуально мне кажется, что на проводе сидит голубь,

у меня, вероятно, есть достаточно веские причины верить, что там именно голубь. У меня нет веских причин думать, что на проводе сидит носорог. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, мне так не кажется. Мне не кажется, что на проводе сидит носорог. Во-вторых, даже если мне и казалось бы подобное, были бы причины полагать, что что-то не так с этими видимыми признаками и они не могут служить надежным показателем истины. Для начала, носороги не встречаются в этой части Южной Калифорнии (за исключением возможных беглецов из зоопарка Сан-Диего). Далее, носороги обычно не проявляют особого интереса к покорению телефонных столбов (так мне всегда казалось). Да и способностью лазать по столбам они не обладают (в этом я уже уверен).

Но видимые признаки не всегда служат надежным основанием для убеждения. Что, если, стоя на расстоянии тридцати метров от телефонного столба, я заявлю, что по всей видимости на проводе сидит муха? Вы будете правы, если усомнитесь в моих зрительных способностях и предположите, что это всего лишь шутка. Вполне возможно, что на проводе муха все же есть. Но даже если она там, маловероятно, что я увижу ее невооруженным глазом с расстояния тридцати метров. Скажу больше, по видимым признакам кажется, что там мухи нет.

Есть ли у меня тогда право считать (впрочем, я так и считаю), что на проводе нет никакой мухи? Да, у меня есть право так полагать, но не на основании видимых признаков. Мое отношение к утверждению о том, что на телефонном проводе сидит муха, основано на других

факторах. В нашем случае тот факт, что я произвольно представил муху на проводе для иллюстрации своей мысли, поддерживает мое убеждение в том, что данное утверждение ложно. Было бы невероятным совпадением, если бы муха в самом деле оказалась на проводе именно в том месте, которое я сейчас вижу из окна кабинета, намеренно придумывая эту иллюстрацию. Мое убеждение могут подтвердить и другие факторы. Но опять же, видимые признаки никоим образом не связаны с моим суждением по данному вопросу. Отсутствие видимых признаков наличия мухи не доказывает мое суждение о ее отсутствии. Вы отнеслись бы скептически к моим словам, что я увидел там муху; равным образом вы скептически отнеслись бы, если бы я заявил: «Я считаю, что там нет мухи, *потому что* визуально мне кажется, что ее там нет». С другой стороны, если я скажу: «Я считаю, что на проводе нет голубя, потому что визуально кажется, что на проводе нет птиц», – вы сочтете мои слова разумными.

Давайте рассмотрим видимые признаки необоснованного зла. Похоже ли это больше на видимые признаки отсутствия голубя или же мухи на проводе? Скептик предполагает, что видимые признаки необоснованного зла больше похожи на видимые признаки отсутствия голубя. Но каковы его основания предполагать подобное? Одной только непостижимости зла недостаточно, чтобы считать это предположение истинным. Скептик должен иметь такое представление о способностях и возможностях человеческого понимания, а также о способностях, необходимых для различения случаев

необоснованного зла, чтобы это давало ему право судить, что видимость зла служит надежным показателем подлинного существования необоснованного зла. Он также должен знать достаточно о пределах нравственного оправдания Божественного допущения зла, чтобы быть уверенным, что видимость отсутствия оправдательных причин свидетельствует о том, что их действительно нет. У него будут веские основания верить, что не существует нравственно достаточных оснований для Бога допускать видимое необоснованное зло, только если видимые признаки служат достоверным показателем истинной действительности. Складывается впечатление, что скептик должен обладать богоподобными способностями к познанию.

Я считаю ошибочным даже утверждать, не имея никаких других доказательств, кроме непостижимости зла, что в мире присутствует *видимое* необоснованное зло. Мы должны быть осторожными, чтобы не смешивать неспособность найти оправдательную причину с предположением, что такой причины вовсе не существует. Теист не видит никаких логических противоречий в том, чтобы утверждать, что не считает зло необоснованным, каким бы непостижимым оно ни было. Более того, он может считать, что необоснованного зла не существует, хотя некоторые случаи зла, по общему признанию, необъяснимы. Его суждение, что непостижимое зло не кажется ему неоправданным, основано на уверенности в существовании Бога, что Он всемогущ и совершенно благ и что «призванным по Его изволению все содействует ко благу» (Рим. 8:28). Неверующий,

не обладая подобными убеждениями, в лучшем случае имеет право на предусмотрительный агностицизм, когда размышляет, следует ли считать непостижимое зло действительно неоправданным. Однако подобного рода агностицизм не допускает безапелляционных утверждений, что существование наихудших форм зла делает существование Бога маловероятным, а веру в Него – иррациональной. Сила аргумента очевидности рассеивается как дым.

ПОМНИТЕ СТРАСТНУЮ ПЯТНИЦУ

Мы исследовали два наиболее известных аргумента от зла, отрицающих существование Бога. Оказывается также, что есть в проблеме зла недооцененный аргумент *в пользу* существования Бога. Он начинается с вопроса, который поставил в тупик моего преподавателя физики и его коллег: «Что есть зло?»

Полагаю, что наиболее интуитивно убедительным, не содержащим логических противоречий ответом будет утверждение, что зло – это *отступление от того, как должно быть*. Мы называем определенные события злом, потому что они кажутся «поломкой» в работе механизма жизни. Когда мы слышим о жестоком, бессмысленном и преднамеренном убийстве невинного человека, мы в ужасе содрогаемся и твердим: «Так не должно быть!» При этом мы вовсе не считаем, что просто выражаем какое-то мнение или предпочтение. Мы судим об объективной реальности. Но если зло – отступление от должного, то для самого существования зла необходимо наличие исходного порядка вещей. И вот задача для неверующих: как может быть *должный* порядок, если у этого мира нет *осмысленного плана*? А как может существовать такой план без надлежащим образом

одаренного, разумного, сильного и изобретательного автора и творца реальности? Мы, люди, можем много рассуждать о богословском смысле существования зла, потому что оно заставляет нас ломать голову над вопросом, действительно ли Бога заботит судьба этого мира. Но как мы можем настойчиво утверждать, что Бога нет, если наше убеждение в существовании зла столь неодолимо? У атеистов и агностиков есть своя собственная проблема зла, с которой им приходится бороться.

Кроме того, те, кто отвергает религиозную веру из-за существования зла, опошляют страдания и достойную восхищения и зависти веру страждущих, особенно когда те, кто страдает, остаются верными и находят основания для надежды перед лицом страданий – и все это благодаря Божьему присутствию и Его благости. Куда более удивительно и странно, когда человек с материалистическими воззрениями страдает с достоинством и мужеством. Чему он приписывает собственную стойкость в страданиях? Что служит источником его силы? Разве страдающему человеку, верующему в Бога, не легче объяснить этот источник мужества, утешения и достоинства? Скептик, высмеивающий убеждение, что Бог существует и что у Него есть нравственно достаточные основания допустить ужасающее зло, молчаливо высмеивает живую и истинную веру подлинных верующих, которые переживают ужасное зло, но при этом еще сильнее начинают любить Бога и доверять Ему. Будет разумным сказать, что глубина убеждения среди страдающих верующих указывает на ту реальность, которую неверующему еще следует пережить.

Венчает же наш ответ на проблему зла утверждение, что Бог не оставил зло без внимания. Он Сам прошел через зло, переживал его и победил его. В книге Питера Крифта по популярной христианской апологетике «Да или нет: прямые ответы на сложные вопросы о христианстве» христианин и неверующий ведут воображаемый диалог об истинности христианства. Говоря о проблеме зла, христианин замечает:

Иисус Христос. Он сошел прямо в западню, в которую попались мы, и умер, чтобы освободить нас. Тот, Кто просит нас довериться Ему, чтобы решить проблему зла, уже совершил величайшее дело, чтобы победить его. Он вместе с нами пережил все существующее зло. Его ненавидели люди, которых Он любил. Его пригвоздили ко кресту, и Он умер. Даже Его Отец отвернулся от Него, оставил в страшном одиночестве на кресте, так что Он воскликнул: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» Это – зло. В этом зло всего мира, и Иисус посреди него. Вы думаете о Боге, обитающем на небесах и управляющем всем, что находится на земле, и недоумеваете, почему Он так плохо справляется со Своей работой. Вам непонятно, как Он может быть действительно добрым и заботливым Богом, если Он сидит где-то там, отвернулся и не пресекает ужасы на земле. Но все совсем не так. Бог к нам не безразличен. Он спустился в обитель зла. Таков христианский ответ на проблему существования зла. Не ловкие

доводы, а Христос на кресте, Бог на нашей стороне, стороне невинного страдальца¹.

Затем Крифт говорит памятные слова: «Как вы можете негодовать на *такого* Бога?»

Однажды я участвовал в публичных дебатах с философом-агностиком о том, существует ли Бог. Когда подошло время вопросов и ответов, к микрофону подошла женщина и гневно рассказала, почему ее опыт боли и страданий мешает ей уверовать в Бога. Все звучало так, словно она обвиняла в этом меня, поскольку я верил в Бога.

Предельно вежливо я сказал: «Вы, похоже, очень разгневаны. Но на кого вы злитесь, если Бога нет? Вы гневаетесь на меня за то, что я верю в Бога? Разве это вам поможет? Вы уверены, что не верите в Него? Может, дело не в том, что вы не верите в Бога, а в том, что вы на Него разгневаны? Однако подумайте, что Бог сделал для вас через Иисуса Христа. Можете ли вы действительно негодовать на *такого* Бога?»

Когда мы достигаем такого уровня диалога с теми, кто страдает, мы касаемся глубинной экзистенциальной проблемы и связываем человеческий опыт страданий и зла с Божьими искупительными целями.

Мы видели, что аргумент очевидности основан на существовании необоснованного зла, что несовместимо с существованием Бога. Такой аргумент допускает возможность того, что ни одно из проявлений зла вокруг

¹ Peter Kreeft, *Yes or No? Straight Answers to Tough Questions about Christianity* (Ann Arbor, MI: Servant Books, 1984), 41.

нас не будет подлинно необоснованным. Но мы должны рассуждать на основании видимых признаков происходящего. А поскольку есть зло настолько ужасное, что мы не представляем причин, почему Бог позволяет ему быть, мы делаем вывод, что необоснованное зло все же существует. Потому, подводя итог, мы обязаны рассмотреть уникальный ответ христианства на этот вопрос.

Непостижимое зло по природе своей загадочно. Если бы нам были ведомы все Божественные цели, стоящие за каждым проявлением зла, то его можно было бы постичь. Всякий раз, когда случается непостижимое зло, мы хотим также знать, не необоснованно ли оно. Но кажется, что есть нечто, чего мы никогда не сможем узнать. Или это не так?

Для начала мы должны вспомнить, что доказательством в пользу существования Бога будет аргумент, что непостижимое зло не бывает необоснованным. Но в свете распятия и воскресения Иисуса Христа мы можем сказать больше. Смерть через распятие была медленной и мучительной. Есть веские исторические доказательства, что Иисуса распяли и Его казнь была неправосудным приговором². Фильм «Страсти Христовы» изображает страдания Иисуса до боли реалистично. Он был, по словам пророка Исаии, «презираем и отвергнут всеми – человек, познавший страдания, изведавший боль» (Ис. 53:3, РСП). Задумайтесь о страданиях Иисуса – о тех часах между Его арестом и смертью –

² См. Martin Hengel, *Crucifixion* (Minneapolis, MN: Augsburg Fortress Publishers, 1977).

и оставьте в стороне все, что случилось потом. То, что сделали с Иисусом, что Ему пришлось пережить, – это ужасное зло. Без Божественного откровения мы неминуемо пришли бы к выводу, что это настоящее необоснованное зло. Кто страдал так, как Иисус в день казни?

Основу христианства составляет событие, которое, если судить по-человечески, лишено всякого смысла. Если бы оно закончилось погребением, распятие Иисуса было бы еще одним горестным примером очевидного необоснованного зла. Однако произошло нечто, что бросило вызов такому приговору. Иисус воскрес из мертвых! Его воскресение говорит, что за всеми страданиями Христа стояла Божественная цель. Эта цель изложена в Новом Завете. В главе, посвященной воскресению, апостол Павел просто и недвусмысленно излагает эту цель: «Христос умер за грехи наши» (1 Кор. 15:3). И произошло это, по его словам, «по Писанию». Это включает написанное древним пророком Исаией: «Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни... Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис. 53:4, 5).

Услышьте в этих словах всю тяжесть человеческого греха. То, что иначе было бы необоснованным злом, ныне наполнено смыслом: оно обещает человеку спасение. В Новом Завете это названо тайной нашего спасения. И если Бог открыл нам величественную цель, объясняющую страдания Иисуса Христа, то у нас есть достаточно причин верить, что никакое страдание не бывает подлинно необоснованным.

Релігійне видання

Р. Дуглас ГАЙВЕТТ
Бог і проблема зла
(російською мовою)

Перекладач *Андрій Залищук*
Редактор *Тетяна Баркова*
Коректор *Євген Поляниця*
Комп'ютерна верстка *Ольги Антонової*
Завідувач редакції *Марина Падій*
Дизайн обкладинки *Деніел Фут*

Підписано до друку 06.05.2017
Формат 70x100/32
Друк офсетний. Папір офсетний
Умовн. друк. арк. 2,28
Наклад 1500 примірників
Замовлення № 7-05-0306

Віддруковано згідно з оригінал-макетом
у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика „Глобус“»
вул. Різдвяна, 11, м. Харків, 61052
www.globus-book.com

In Lumine Media
a/c 1842, м. Чернігів, 14000, Україна
Тел.: (063) 563-00-71
www.inlumine.org
info@inlumine.org

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи Лісніченко Олени Михайлівни
ДК № 4628 від 09.10.2013

Может ли благой Бог существовать в мире страданий?

Страдания реальны. От них никуда не деться. Но что это значит? Почему люди страдают? И где Бог, когда им плохо? Если Бог всемогущ, то должен бы предотвратить страдания, если бы хотел. А если Бог нравственно совершенен, то захотел бы предотвратить страдания, если бы мог. Следовательно, если всемогущий и нравственно совершенный Бог существует, как в мире могут быть страдания?

Проблема зла знакома всем. Многие полагают, что зло доказывает несуществование Бога и это доказательство столь сильно, что уничтожает рациональные основания для веры в Бога. Книга «Бог и проблема зла» исследует это явление.

Вы узнаете, что на основании реальности зла против существования Бога приводят два главных аргумента. Книга ясно их объясняет и тщательно взвешивает ответы на них. И просит задуматься: возможно, на самом деле зло служит доказательством, что Бог есть.

ISBN 978-617-7168-40-8

9 786177 168408 >

IN LUMINE MEDIA

WWW.INLUMINE.ORG

Р. Дуглас Гайветт преподает философию на кафедре философии Талбота в университете Байола, г. Ла-Мирада, штат Калифорния. Автор и соавтор многих книг, включая «Зло и доказательство существования Бога», «В защиту чудес» и «Вера, фильм и философия: большие идеи на большом экране».